

Реформирование экономического знания: базовые принципы

Балацкий Евгений Всеволодович

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Цитирование: Балацкий Е.В. (2026). Реформирование экономического знания: базовые принципы. *Terra Economicus* 24(2), 6–24. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-2-6-24

В статье обсуждается назревшая необходимость реформирования современного экономического знания. Для конкретизации накопившихся противоречий в науке рассмотрено семь догм (устойчивых ошибочных норм). Первые три из них носят онтологический характер и связаны с неправильными представлениями исследователей о социальном мире: односторонняя оценка явлений; бинарная система институтов и решений; игнорирование фактора политического суверенитета государства. Другие четыре догмы относятся к разряду методологических и предполагают ошибочные инструментальные императивы в исследованиях и принятии управленческих решений: сохранение линейной логики относительно нелинейных явлений; претензии на универсальность экономических моделей; сложность экономических построений в отрыве от реальных процессов; автономия событий и факторов при построении экономических теорий. Для преодоления перечисленных догм предложено шесть альтернативных принципов в качестве новых норм экономического знания: единство диалектических сущностей и устранение оценочной однозначности; переход от чистых стратегий к смешанным; единство политической суверенности и экономической эффективности; переход к параболической форме экономических зависимостей; отказ от универсальности экономических результатов и поиск контекстов; преодоление разрыва между экономической теорией и практикой управления; событийно-факторный синтез. В статье отмечается дискуссионность предложенных нововведений, однако делается вывод о том, что подобные обсуждения с последующей инвентаризацией современной экономической науки будут способствовать преодолению того методологического тупика, в котором она находится.

Ключевые слова: догма; принципы; методология; онтология; экономическое развитие

Финансирование: Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Правительства РФ Финансовому университету на 2026 г. по теме «Новая парадигма современной экономической теории в условиях изменения глобального миропорядка».

Благодарность: Автор выражает искреннюю благодарность С.А. Толкачеву за полезные замечания к рукописи статьи.

Reforming economic knowledge: Basic principles

Evgeniy V. Balatsky

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Citation: Balatsky E.V. (2026). Reforming economic knowledge: Basic principles. *Terra Economicus* 24(2), 6–24 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-2-6-24

The article discusses the urgent need to reform modern economic knowledge. To specify the accumulated contradictions within the discipline, seven dogmas (persistent erroneous norms) are examined. The first three are ontological in nature and are associated with researchers' incorrect perceptions of the social world: one-sided evaluation of phenomena; a binary system of institutions and solutions; and ignoring the factor of the state's political sovereignty. The other four dogmas belong to the methodological category and involve erroneous instrumental imperatives in research and managerial decision-making: maintaining linear logic regarding nonlinear phenomena; claims to the universality of economic models; the complexity of economic constructs detached from real-world processes; and the autonomy of events and factors in constructing economic theories. To overcome these dogmas, six alternative principles are proposed as new norms for economic knowledge: the unity of dialectical essences and the elimination of evaluative unambiguity; a shift from pure strategies to mixed strategies; the unity of political sovereignty and economic efficiency; a transition to a parabolic form of economic dependencies; rejection of the universality of economic outcomes and the search for contexts; bridging the gap between economic theory and management practice; and event-factor synthesis. The article notes that the proposed innovations are open to debate, but concludes that such discussions, followed by a thorough inventory of contemporary economic science, will help overcome the methodological deadlock in which it currently finds itself.

Keywords: dogma; principles; methodology; ontology; economic development

Funding: The article was prepared withing the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2026 on the topic "A new paradigm of modern economic theory in the context of a changing global world order".

Acknowledgement: The author expresses his sincere gratitude to Sergey Tolkachev for useful comments on the manuscript of the article.

JEL codes: B40, B41, B49

Введение: дискуссии о старом и новом экономическом знании

Экономическое знание (ЭЗ) сегодня переживает свои не лучшие времена. Уже в 1998 г. было убедительно показано, что экономическая теория находится в состоянии *глубокого кризиса* (Полтерович, 1998). В это же время было предложено перестроить экономическую теорию (*economics*) на базе принципов *системного подхода* (Kornai, 1998). Еще через пять лет был выдвинут тезис о необходимости реформирования экономической науки для преодоления укоровившихся среди экономистов проявлений *аутизма и догматизма* (Сапир, 2003), а в 2011 г. были очерчены общие контуры будущего *синтетического социального знания*, идущего на смену традиционному (Полтерович, 2011). Однако ситуация принципиально не менялась, в связи с чем в 2022 г. констатировалось, что в науке имеет место уже не просто кризис, а глобальный *методологический тупик*, ибо кризис, обозначенный еще в 1998 г., за последующую четверть

века так и не был преодолен (Балацкий, 2022). Это дало основание для тезиса о необходимости радикальной перестройки социального знания и создания, по сути, новой науки (или новой версии старой) – *социономики* (Балацкий, 2022). В 2023 г. это положение было дополнено указанием на разные тенденции перестройки экономического знания: создания «стыковых» с экономикой наук (нейроэкономика, эконофизика, экономика сложности и т.п.); «мягкой» междисциплинарной конвергенции (обмен моделями и методами анализа); развития междисциплинарного плюрализма и синтеза (Кирдина-Чэндлер, 2023). Примерно в это же время развивалась системная парадигма экономических исследований (Клейнер, 2023), предполагавшая увязку *economics* с системой управления и теорией организации. Предлагалось перестроить ЭЗ путем сбалансированного сочетания экономической теории, политики, управления экономикой и хозяйственной практики (Клейнер, 2024).

Параллельно продолжали накапливаться «претензии» к экономическому знанию. Так, в 2012 г. акцентировалось внимание на возникновении феномена *когнитивного разрыва* между описанием системы в форме экономической теории и ее управлением; подчеркивалось значение воли и управленческого искусства как неучтенных факторов экономики (Балацкий, 2012). В более поздних исследованиях отмечались, с одной стороны, противоречия между *формальной строгостью* и *этической нейтральностью* *economics*, с другой стороны, его *низкой точностью* и *объективностью* (Нифаева, 2022). Радикальные критики утверждают, что современная экономическая теория вообще превратилась в *симулякр* Ж. Бодрийара, когда происходит создание модельных копий того, чего в реальности не существует (Ореховский, Разумов, 2025). Вполне обоснованно отмечается, что колоссальная сложность и изощренность современных теоретических конструкций стали итогом процесса, в соответствии с которым вместо замены старой парадигмы на новую ее непрерывно *дополняли и усложняли* с целью привести устоявшиеся взгляды в соответствие с наблюдаемыми новыми явлениями; несмотря на это, все больше явлений оказываются аномальными для традиционной теории (Сухих, 2025). Обращается внимание и на то обстоятельство, что методологический тупик экономического знания проявляется в феномене его *масштабного самоотрицания*, принимающего формы двух взаимосвязанных эффектов: отрицания научной общественностью вклада крупнейших экономистов прошлого и невостребованностью их идей и разработок; утраты интереса экономистов к математическому инструментарию исследования операций в связи с его крайне низкой практической востребованностью (Балацкий, 2025а).

Одновременно накапливаются конкретные примеры провала современной экономической теории. Одним из таковых является *парадокс инноваций*, который раскрывает несоответствие теоретических воззрений фактическому положению дел (Толкачев, 2025). Так, согласно экономической теории, увеличение инвестирования в исследования и разработки – это верный способ стимулировать инновации, повышать производительность, создавать новые рабочие места и обеспечивать экономический рост. Однако статистические данные США за последние четыре десятилетия показывают, что в стране расходы на НИОКР резко увеличивались, тогда как темпы роста производительности труда и ВВП падали (Там же). Другой масштабный академический провал мейнстрима связан с одобрением правительством США *вступления Китая в ВТО*. Данное решение было озвучено 25 апреля 2000 г. высшими экономическими чиновниками США и нобелевским лауреатом Робертом Солоу, а также подкреплено экспертным письмом, под которым подписалось 149 человек, включая 13 лауреатов Нобелевской премии и самых знаменитых профессоров экономики. Тезис о том, что свободная торговля с Китаем принесет Америке рост высокотехнологичного экспорта, был жестоко опровергнут жизнью: сальдо экспорта высокотехнологичной продукции США сократилось с небольшого профицита в 1991 г. до огромного дефицита в 2024 г., а доля экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта американской промышленной продукции за это время заметно снизилась (Толкачев, 2026).

Уже в 2017 г. началось обсуждение двусторонней связи между идеологией и ЭЗ: если первая сдерживает второе, то несовершенная теория часто поддерживает неверную идеологию (Полтерович, 2017b). Причем, как оказывается, идеология уже образовала своеобразный рынок и стала самостоятельным явлением. Например, отмечается, что в условиях информационной перегруженности исследователи вынуждены более активно пользоваться идеологическими матрицами смыслов, которые в ряде случаев специально конструируются и навязываются в современном научном поле. Развитие таких процессов привело к возникновению так называемых *идеолоноид*

(*ideolonoids*), представляющих собой быстро сформированные «поддельные» идеологии (квази-идеологии) для контроля над политическим языком и продвижения определенных ценностей (Вольчик, 2025a). Помимо влияния идеологии на экономикс, неоднократно подчеркивалась и обратная зависимость идеологической ортодоксии экономической теории от *исторических фаз* технологических и регуляторных циклов (Толкачев, 2024). Применительно к России на основе компьютерного анализа текстов научных публикаций из ведущих экономических журналов установлена *эволюция идеологий* в российской экономической науке за период 1992–2023 гг. от неолиберализма (1992–2002) к дирижизму (2003–2017) и экологизму (2018–2023) (Вольчик, 2025b). Более того, влияние идеологии на формирование теоретических предпочтений исследователей часто ассоциируется с научными школами, государственной политикой и доступом к финансированию (Вольчик, Маслюкова, 2025). В связи с этим неудивительно, что эмпирические исследования подтверждают значительное влияние экономической идеологии посредством распространения теоретических нарративов на формирование и реализацию государственной политики в отношении экономического развития и роста (Volchik, Fursa, 2026). Причем в ряде случаев идеология может не только негативно влиять на процесс познания и выработку политики, но и оказывать помощь при проведении модернизации страны. Примером тому выступает, в частности, идеология особого пути, предполагающая синергию суверенитета, историзма, адаптивности и прагматизма, что подтверждается опытом России и Китая (Volchik et al., 2025).

На фоне критических статей наиболее ярко выделяются работы с альтернативными – оптимистичными – суждениями по поводу наметившихся успехов в обновлении *econotmics*. Так, констатировался прорыв в начале XXI в. в области использования методов и моделей эконофизики в экономике и состоявшийся на этой основе плодотворный *союз экономической теории и математической физики* (Полтерович, 2017a). Предлагаются концептуальные основы новой – *конкурентной* – парадигмы экономической теории, способной заменить мейнстрим (Толкачев и др., 2025). Высказывалась и надежда, что впереди нас ожидает великий синтез на базе двух методологических канонов – *равновесной и институционально-исторической школ* (Полтерович, 2022с). Звучат призывы к перестройке современного экономического знания на основе идей русских экономистов (П. Кропоткина, А. Богданова, Н. Кондратьева и др.), которые могут быть отнесены к *научному авангарду* (Кирдина-Чэндлер, 2025). Справедливо обращается внимание и на то, что в настоящее время мы являемся свидетелями перехода от *теорий экономического роста*, которые раскрывают детерминанты относительно монотонных траекторий экономического роста, к *теориям экономического развития*, объясняющим периодически возникающие исторические развилки в динамике разных стран и регионов мира; подобный переход уже сам по себе означает серьезный пересмотр научной парадигмы мейнстрима (Веселов, 2025). Отмечалась в литературе и весьма интересная попытка выхода современной экономической теории из методологического тупика – *интеграция теорий* развития финансового сектора в *расширенный политэкономический контекст* (Криничанский, 2025). Предлагаются и новые исследовательские направления ЭЗ, например, изучение *теневых финансов* государства на основе факта существования его «теневой казны», без чего многие международные экономические процессы сегодня не могут получить релевантного объяснения (Гусев, 2025).

Задача статьи отнюдь не состоит в исчерпывающем обзоре методологических дискуссий по поводу назревшей реформы ЭЗ. Перечисленных выше работ достаточно, чтобы показать, что в научном дискурсе уже сосуществуют две большие темы. Первая – *критический анализ* экономического знания с выявлением его теоретических недостатков и практических неудач, вторая – *предложения по реформатированию* традиционного знания с целью повышения его релевантности и действенности. Актуальное число работ по указанным направлениям практически необозримо, однако цель статьи состоит в обосновании нескольких основополагающих принципов, которые должны лечь в основу обновленного ЭЗ. Авторское видение ситуации является дискуссионным и не должно восприниматься в качестве истины в последней инстанции. Тем не менее возможное конструктивное обсуждение предлагаемых подходов может способствовать преодолению нынешнего методологического тупика, в котором находится экономическая теория.

Рассматриваемые в статье принципы, составляющие основу для нового ЭЗ, не образуют полную и исчерпывающую систему. Предлагаемые семь принципов в дальнейшем могут дополняться и модифицироваться, но в качестве точки отсчета они весьма полезны для предотвращения деструктивных научных построений.

Онтологические и методологические догмы

Прежде чем предлагать новые подходы к формированию обновленного ЭЗ, имеет смысл остановиться на тех догмах, которые до сих пор действуют и тормозят развитие науки. Сами догмы для удобства могут быть разделены на *онтологические*, неверно отражающие устройство окружающего мира, и *методологические*, предполагающие неадекватные методы для его исследования. Понятно, что онтологические паттерны являются более фундаментальными и приоритетными по сравнению с методологическими воззрениями, которые уже в той или иной мере опираются на онтологические паттерны. Разумеется, различия между онтологическими и методологическими догмами не являются абсолютными, ибо вторые являются естественным продолжением первых, а само их разграничение в этом случае становится условным. Однако для удобства анализа будем использовать введенное различие.

Само возникновение неких научных догм можно считать вполне естественным трехшаговым процессом в когнитивной деятельности. При работе с объектом исследования сначала возникают некие *ошибки*, которые, существуя достаточно долго и не исправляясь, превращаются в *предрассудки*, получающие со временем институциональное закрепление и официальный статус, что и знаменует появление *догмы*. Сформированные таким образом догмы образуют *идеологический каркас* науки, который непосредственным образом влияет на ее дальнейшее развитие.

Ниже рассмотрим семь конкретных догм, которые существенно тормозят формирование ЭЗ, адекватного современности.

Первая догма – *односторонняя оценка явлений*. Согласно этому подходу, в экономике есть явления хорошие и плохие. Например, демократия как форма государственного правления является явлением позитивным, а все, что ей противоречит и не укладывается в ее рамки, – негативным. Аналогичным образом считается, что конкуренция является для экономики благом, а монополизация рынков наносит ей вред. Однопартийные системы государственной власти являются также заведомо деструктивными. Такой расклад ценностей считается справедливым везде и всегда. Данное оценочное заблуждение относится к разряду онтологических, ибо не учитывает диалектической природы социальных систем.

Вторая догма – *бинарная система институтов и решений*. В соответствии с этой догмой, наличие плохих явлений требует их максимального подавления и даже полной ликвидации. Например, наличие одной правящей партии недопустимо, поэтому следует бороться с подобными авторитарными режимами. Наличие теневой экономики является негативным явлением, следовательно, его надо полностью ликвидировать. Даже если устранить некий феномен, признанный вредным, не удастся, то, по крайней мере, к этому надо стремиться. В данном случае отрицается онтологический принцип сосуществования полярных (диалектических) явлений и возможности их оптимального соотношения, что приводит к исходной односторонности исследований и принимаемых управленческих решений.

Третья догма – *распространение линейных эконометрических зависимостей и линейной логики на нелинейные явления*. В соответствии с этой догмой многие экономисты как бы «забывают» о нелинейности экономических процессов и в своих моделях тестируют гипотезы о линейных связях между переменными. Фактически исследователи работают только с одной ветвью предполагаемой параболы, что выливается в линейную логику и потерю релевантности многих построений и предопределяет методологический характер соответствующего заблуждения.

Четвертая догма – *сохранение «претензий экономической теории на открытие универсальных законов»* (Полтерович, 1998: 64). Такой подход заставляет экономистов копаться в уже существующих моделях с целью найти среди них ту, которая подходит к текущей ситуации. К сожалению, для постоянно трансформирующейся мировой системы найти релевантные «старые» модели практически невозможно. В данном случае мы сталкиваемся с фундаментальным недопониманием природы социальной системы, которое порождает неверные методологические действия в сферах исследований и управления.

Пятая догма – *устранение из экономического знания фактора политического суверенитета государства*. Достижения страны определяются, как правило, уровнем благосостояния населения и уровнем технологического развития производства. Однако тот факт, что одним странам мировой гегемон в лице США помогает развиваться, а другим – активно мешает, остается вне поля зрения экономической науки. Тем самым возникает онтологическое игнорирование силового (внешнего и внутреннего) фактора в развитии страны.

Шестая догма – *предпочтение сложных теоретических и эмпирических исследований, оторванных от реальных процессов и практики управления*. Зачастую такая тенденция превра-

щается в стремление решать проблемы, которых просто не существует. В данном случае самоценность методических процедур и построений перевешивает их практическую ценность, что генерирует ошибочные методологические приоритеты.

Седьмая догма – *автономия событий и факторов при построении экономических теорий*. Как правило, ранее необъясненные социальные явления экономисты стараются объяснить путем введения дополнительных факторов, что все равно не позволяет до конца понять сложные выражи экономической эволюции. Одновременно с этим историки слишком увлечены нагромождением конкретных фактов (событий), которые не дают системного понимания происходящих процессов. В итоге возникает «лоскутная» теория, объясняющая лишь определенные этапы социальной эволюции, но не позволяющая соединить эти этапы в целостную картину. Разрыв в двух методологических линиях мешает формированию релевантных теоретических концепций.

Вполне очевидно, что обновление ЭЗ требует отказа от перечисленных догматов путем введения неких руководящих принципов, отрицающих соответствующие ошибочные положения (см. табл.). В зависимости от типа догм формируются соответствующие принципы – онтологические и методологические. Фактически речь идет о том, чтобы вместо ошибочных норм (догм) использовать противоположные принципы.

Таблица

Современные и альтернативные нормы экономического знания

Догмы	Альтернативные принципы	Характер нормы
№ 1: односторонняя оценка явлений	№ 1: единство диалектических сущностей и устранение оценочной однозначности	Онтологический
№ 2: бинарная система институтов и решений	№ 2: переход от чистых стратегий к смешанным	
№ 5: игнорирование фактора политического суверенитета государства	№ 5: единство политической суверенности и экономической эффективности	
№ 3: сохранение линейной логики относительно нелинейных явлений	№ 3: переход к параболической форме экономических зависимостей	Методологический
№ 4: претензии на универсальность экономических моделей	№ 4: отказ от универсальности экономических результатов и поиск контекстов	
№ 6: сложность экономических построений в отрыве от реальных процессов	№ 6: преодоление разрыва между экономической теорией и практикой управления	
№ 7: автономия событий и факторов при построении экономических теорий	№ 7: событийно-факторный синтез	

Источник: составлено автором.

Ниже рассмотрим семь принципов реформатирования ЭЗ.

Принцип № 1: единство диалектических сущностей и устранение оценочной однозначности

Пожалуй, первым нововведением в современном ЭЗ должен стать отказ от однополярных ценностных (идеологических) суждений и переход к учету диалектических противоречий. Данный принцип можно сформулировать в общей форме: *любое экономическое явление имеет две (диалектические, полярные) стороны (проявления), которые одновременно обладают содержательной ценностью и должны использоваться в анализе*. Это положение кажется довольно абстрактным, однако конкретные примеры легко проясняют суть предлагаемого нововведения.

Рассмотрим такую бинарную пару, как *конкуренция/монополия*. Сегодня в *economics* считается, что конкуренция является высшей ценностью и она обеспечивает эффективность рынков. Именно этим обстоятельством обусловлена борьба государства против монополий. Однако этот тезис является односторонним и нерелевантным. Фактически здесь мы сталкиваемся с онтоло-

гической ошибкой, когда одна сторона явления (например, конкуренция) объявляется хорошей («добром»), а другая (например, монополия) – плохой («злом»). Однако этот подход противоречит фундаментальным философским положениям, в частности диалектической логике. Так, в литературе уже указывалось, что наличие в современной диалектике трех фундаментальных законов – единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и отрицания отрицания (Гегель, 2023) – порождает так называемую *главную теорему диалектики*: любое явление в процессе своего развития переходит в собственную противоположность (Балацкий, 2023). Следовательно, каждое явление может получать положительную или отрицательную оценку только в конкретный момент времени и в определенной точке пространства.

Рассмотрим два примера, когда конкуренция из положительного явления превращается в отрицательное.

Первый пример связан с рынком нефти второй половины XIX в. и деятельностью Джона Рокфеллера, чья компания стала одним из первых монополистов в США. К моменту вхождения Рокфеллера в данный бизнес на рынке нефти наблюдались чрезмерные скачки цен и перепады в соотношении спрос/предложение: указанные параметры очень резко реагировали на введение в действие любой новой буровой вышки. Бизнес функционировал в условиях недопустимой волатильности цен и непредсказуемости новой «нормальной» цены. Достаточно напомнить, что в 1861 г. для цен на нефть и нефтепродукты были характерны 100-кратные колебания – от 10 центов до 10 долл. за баррель; даже в 1864 г. колебания все еще достигали 4-кратного уровня – от 4 до 12 долл. за баррель (Черноу, 1999: 73). Такая картина детерминировалась чрезмерной разрозненностью нефтяного рынка, когда каждый поставщик черного золота стремился продать как можно больше продукции и получить максимальный доход безотносительно к действиям других участников. Механизмы рыночного саморегулирования не срабатывали, из-за чего в нефтеперерабатывающем бизнесе США к 1870 г. «работало столько заводов, что они могли перегонять в три раза больше реально добываемой на тот момент нефти» (Там же: 117). В сложившейся ситуации Рокфеллер пришел к совершенно правильному выводу, что «благополучие отдельно взятого нефтеперегонщика находится в прямой зависимости от состояния дел в отрасли в целом» (Там же: 118). Поняв эту простую истину, Рокфеллер начал массовую скупку заводов по нефтепереработке, многие из которых работали себе в убыток; цена составляла четверть первоначальной сметной стоимости компании (Там же: 135). Осуществляя эти операции, он стал человеком, «скупавшим чужие заводы не столько для того, чтобы они работали, принося ему доход, но чтобы закрывать их и тем самым решать проблему перепроизводства» (Там же: 135). Наведение порядка в области производства, экономия средств на всех уровнях, обеспечение ритмичности поставок и сбыта, упорядочение договорных тарифов на транспортные перевозки и т.п. привело к тому, что компания Рокфеллера *Standard Oil* оказалась вне конкуренции для остальных участников рынка. Вскоре после этого нефтяной гигант стал фактически монополистом на континенте, а чуть позже – и мировым монополистом. Лишь в 1909 г. федеральный суд США на основе антитрестовского Закона Шермана (*Sherman Act*), принятого в США в 1890 г., предписал распустить *Standard Oil*, а реальное преобразование компании началось только в 1911 г. (Там же). Таким образом, рассмотренная динамика нефтяного рынка показывает, как избыточная конкуренция превратилась в разрушительное явление и потребовала своего ограничения, а впоследствии пришедшая ей на смену монополия также начала сдерживать развитие и потребовала своего ограничения.

Второй пример связан с рынком железнодорожных перевозок и деятельностью американского банкира Джона Пирпонта Моргана. В 1883–1884 гг. в США разразился конфликт между крупнейшими железнодорожными компаниями «Пенсильвания» и «Нью-Йорк сентрал», вызвавший отток иностранного капитала из страны. Ситуация была стандартной для железнодорожной отрасли того времени: компания-монополист («Пенсильвания») железнодорожной линии держала такие цены, которые раздражали ее клиентов, в связи с чем еще одна компания («Нью-Йорк сентрал») выстроила параллельный железнодорожный путь и начала тарифную войну; расчет был на переманивание пассажиров у компании-конкурента (Строус, 2002: 335). В результате таких действий цены акций компании «Нью-Йорк сентрал» со 131 долл. упали до 82, а массовая продажа акций наносила вред всей экономике США. Морган стал одним из первых, кто понял простую истину: магистральные железнодорожные линии выиграют гораздо больше, если прекратят разрушительную конкуренцию и начнут действовать согласованно: «...инвесторы должны быть застрахованы от совершенно ненужных и диких флуктуаций на рынке акций» (Строус,

2002: 337). Именно Морган, бывший крупнейшим банкиром Америки, начал кампанию по слиянию железнодорожных компаний и налаживанию разумной системы управления ими в целях устранения конфликтов. Эта практика проложила путь сначала к олигополии в отрасли железнодорожных перевозок, а потом и к разумной конкуренции. Таким образом, конкуренция на рынке железнодорожных перевозок также постепенно переродилась в деструктивное явление, потребовавшее укрупнения компаний.

Не менее догматичной представляется другая оппозиция – *демократия / автократия*. В экономическом мейнстриме сложилось стойкое убеждение, что демократический режим правления сам по себе является ценностью и гарантирует правильное развитие общества. В качестве примера научной апологетики этого тезиса служат научные бестселлеры трех нобелевских лауреатов по экономике 2024 г.: Дарона Аджемоглу, Джеймса Робинсона и Саймона Джонсона (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021; Аджемоглу, Джонсон, 2024). Авторы выстраивают весьма изящные теории, показывающие пользу демократии и вред авторитаризма, и на множестве исторических примеров иллюстрируют этот тезис. При этом демократия характерна для капиталистических стран, а автократия – для коммунистических режимов. Однако проблема состоит в том, что в их теорию не вписывается феномен СССР с его недолгими, но впечатляющими достижениями, равно как и современный Китай, сдвигающий США с позиции мирового гегемона. Как оказывается, китайская автократия имеет столь разветвленную систему сдержек и противовесов, что в настоящий момент превосходит систему государственного управления в США (Ли, 2025). Таким образом, на определенных этапах исторического развития для одних стран и народов больше подходит демократия, а для других – автократия.

Типичным примером, чем заканчиваются односторонние представления, служит пресловутый «конец истории» Френсиса Фукуямы (Фукуяма, 2007), который провозгласил окончательную победу демократии и совпал со стартом деградации демократических режимов Запада.

Приведенные примеры призваны продемонстрировать, как односторонние оценки явлений заводят рынки и государства в тупик. Например, нынешний кризис западной демократии во многом связан с недопущением самой мысли о заимствовании механизмов автократических режимов. Сама же способность демократии и автократии вырождаться в свою противоположность лишний раз доказывает необходимость введения в ЭЗ установки на учет диалектической природы всех изучаемых явлений.

Принцип № 2: переход от чистых стратегий к смешанным

Как известно, в жизни нет черного и белого, есть еще бесконечное число полутонов. Как ни странно, этот тезис давно фигурирует в науке, но в экономическом знании он приживается с большим трудом.

В данном случае речь идет о том, что реальные экономические системы должны в определенных пропорциях сочетать в себе разные, в том числе противоречивые, свойства. Данный принцип можно сформулировать следующим образом: *любой экономический институт предполагает сочетание двух (диалектических, полярных) и более свойств, между которыми должен постоянно искажаться разумный баланс*. Это положение в разных формулировках высказывалось многократно.

Например, еще в 1947 г. Арнольд Тойнби проницательно указывал: «Спасение, вероятно, лежит – как это чаще всего и бывает – в поисках среднего пути. В политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма» (Тойнби, 2011: 35). Несложно видеть, что данное высказывание продолжает и углубляет принцип № 1: мало признавать полярные ценности, но их надо одновременно включать в институциональные конструкции.

Глубокое математическое и философское осмысление эта идея получила в 1950 г. в работе Джона Нэша, в которой он сформулировал теорему о существовании: в любой конечной игре (с конечным числом игроков и конечным числом чистых стратегий у каждого игрока) в нормальной форме существует, по крайней мере, одно равновесие Нэша в смешанных стратегиях (Nash, 1950). Данная теорема утверждает, что даже при отсутствии в игре стабильной чистой стратегии всегда существует стабильная смешанная стратегия, от которой игрокам будет невыгодно отклоняться в одностороннем порядке. Тем самым антагонизм между разными решениями был снят и заменен на стремление к компромиссу.

Разумеется, утверждение Нэша носит максимально общий характер и может быть проиллюстрировано на совсем простом примере. Так, если решение уравнения лежит в интервале от 0 до 1, а на

него априори накладывается дополнительное ограничение, что оно может принимать только три значения – 0, 0,5 и 1, то решение вряд ли будет найдено. Если же дискретные ограничения снять и перейти к непрерывной шкале от 0 до 1, то решение будет гарантированно найдено. В реальности отказ от смешанных стратегий, как правило, связан с идеологическими догмами и отсутствием управленческой гибкости, что и должно быть устранено.

Примечательно, что идея сопряжения диалектических полярностей высказывалась многократно и во многих вариантах. Например, Дуглас Норт (2010: 155) полагал, что институты должны одновременно обладать двумя, казалось бы, противоречивыми свойствами – *жесткостью* и *гибкостью*. В этом же направлении Данило Дзоло (2010) отстаивал мнение, что политический процесс представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей – *личной безопасности* и *свободы*, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека.

На практике отрицание необходимости совмещения полярностей наиболее ярко проявилось в крушении СССР, где долгое время отказывались от элементов рыночной экономики, а когда соответствующие реформы начались, было уже поздно, и осуществлялись они с ошибками. Аналогичным образом сегодня западные демократические режимы (например, в США) находятся в системном кризисе по причине сохранения пресловутой чистоты исходных принципов рыночной экономики. На этом фоне Китай сделал большой шаг вперед, показав всему миру, что можно успешно соединить принципы коммунизма с основами рыночной экономики (Ли, 2025). И этот пример не уникален. В последнее время в Европе оформился кластер из семи малых стран *L7* – Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды, в которых последовательно совмещаются принципы *соревнования (конкуренции)* и *сотрудничества*. Эти страны занимают первые места в мире по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья) и одновременно являются лидерами по интегральному индексу качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов (Полтерович, 2022а). Перечисленные факты являются весомым аргументом в пользу того, что традиционные односторонние предположения об эгоистической природе человека и конкуренции как главной движущей силе прогресса, лежащие в основе многих политологических конструкций, утратили свою релевантность (Полтерович, 2016; Полтерович, 2022b).

Наряду с традиционными оппозициями сегодня возникают относительно новые явления. Например, помимо теневой экономики возникает «теневая казна» государства, которая служит необходимым элементом противостояния страны на международной арене и сегодня имеет место почти во всех развитых странах; в рамках данной концепции само существование частного теневого сектора превращается в явление допустимое, но дозированное и контролируемое (Гусев, 2025). Без теневой казны проведение масштабных спецопераций и поддержка прокси-сил, которые являются важной характеристикой современной геополитической системы, оказываются невозможными. Следовательно, примитивная оппозиция «официальная экономика / теневая экономика» превращается в поиск их разумного соотношения и переход к смешанной стратегии.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что искусство экономического исследования и управления сегодня состоит в изначальном поиске оптимальной пропорции смешанных стратегий, которые уравнивали бы друг друга. При этом оптимальные пропорции со временем меняются, что требует своевременной диагностики и корректировки. Например, в условиях войны демократия сворачивается и усиливается централизация государственной власти; в мирное время, наоборот, зона либеральных и демократических принципов расширяется.

Принцип № 3: переход к параболической форме экономических зависимостей

Третий принцип предполагает возврат к идее параболических зависимостей в экономике. Как ни странно, но эта идея лежала в основе возникновения экономической кибернетики и такого математического направления, как исследование операций. Именно нелинейность всех реальных зависимостей, на которых базировалась экономическая кибернетика, порождала идею поиска оптимума. Однако со временем данная установка претерпела странную трансформацию: в теоретических построениях принцип оптимизации является фактически обязательным, хотя в реальности нам никогда неизвестно, что именно максимизируется или минимизируется экономическими субъектами, тогда как в прикладных (эмпирических) исследованиях все эконометрические зависимости носят сугубо линейный характер и редко когда вводятся нелинейные элементы. Даже рассмотрение нели-

нейных (степенных) зависимостей можно линеаризовать и сохранить их монотонный характер. Тем самым имеет место явное противоречие между теоретическими и эмпирическими построениями.

Несмотря на то что все живые и социальные системы и явления имеют принципиально нелинейную природу, эта идея была постепенно похоронена под слоем линейных эконометрических моделей, что постепенно привело к возрождению линейного мышления, что мешает пониманию многих принципиальных истин. В связи с этим третий принцип можно сформулировать следующим образом: *все экономические зависимости имеют параболическую (квадратичную) форму, которая должна определяться в ходе эмпирических исследований.*

Для иллюстрации важности данного принципа рассмотрим простой, но очень характерный пример, связанный с крушением СССР. Анатомия этого процесса была раскрыта китайкой Айго Лу, которая убедительно показала, что проблему представляет не только слишком большое доходное неравенство, но и слишком низкое, как это было в Советском Союзе (Лу, 2025). Мейнстрим, как правило, сосредоточен на проблеме избыточного доходного неравенства, которое способно остановить рост и вызвать революционные настроения, тогда как Лу показала, что недоплата услуг политической элиты чревата ее недовольством и стремлением к изменению строя в пользу правящего класса. Тем самым получается обоюдоострая проблема: с одной стороны, капитализм с его избыточным неравенством порождает своего «могильщика» в форме класса пролетариата, с другой стороны, социализм с его неправомерным равенством создает своего «могильщика» в лице класса политической элиты (Попов, 2026). В СССР политическое и экономическое руководство страны по своему уровню благосостояния не соответствовало некоему разумному (международному) стандарту, что в конечном счете и привело к революции сверху и возврату к капитализму. В эту ловушку отчасти попал Китай, в котором элита также недотягивает до необходимого уровня благосостояния, что и порождает масштабную коррупцию во властных кругах. Осознание природы этого явления ведет к тому, что Китай все активнее переходит на сингапурскую модель оплаты, где государственные управленцы получают доходы, сопоставимые с частными менеджерами (Ли, 2025).

Рассмотренный пример является инновационным с теоретической точки зрения – ранее вопрос о возможном крушении государства по причине недостаточного доходного (социального) неравенства вообще не ставился, а многими и сегодня отрицается. Тем не менее в ряде случаев сам факт наличия параболической зависимости может иметь жизненно важное значение.

На первый взгляд может показаться, что учет параболической формы экономических зависимостей имеет уточняющее значение, однако это не совсем так. В ряде случаев это позволяет сформировать совершенно новый взгляд на традиционное явление. Например, концепция модифицированной кривой А. Лаффера предполагает учет двух параболических зависимостей – ВВП от налогового бремени и налоговых поступлений от налогового бремени. Идентификация точек максимума обеих кривых и сравнение соответствующих уровней налогового бремени между собой позволяет по-новому посмотреть на эффективность фискальной политики – с учетом согласования интересов государства и производителя (Balatskii, 2004).

Принцип № 4: отказ от универсальности экономических результатов и поиск контекстов

Сегодня, как и много лет назад, экономисты озабочены открытием неких *вселенских универсалий*, хотя это априори невозможно. В этой связи характерна позиция Дэни Родрика, который считает, что само экономическое знание представляет собой своеобразную гирлянду моделей на все случаи жизни, а мастерство экономиста состоит в том, чтобы выбрать нужную модель для конкретной ситуации и в нужный момент времени; однако именно на стадии выбора экономисты допускают большинство ошибок (Родрик, 2017). Как ни странно, но Родрик по умолчанию полагает, что имеющиеся в «архиве» ЭЗ модели обладают по крайней мере *локальной универсальностью*, а потому и могут быть использованы в нужное время в нужном месте. Можно сказать, что позиция Родрика предполагает наличие конечного множества локально универсальных моделей, одна из которых способна ответить на наши сегодняшние вопросы. Однако это устаревший подход, в связи с чем четвертый принцип можно сформулировать следующим образом: *следует не искать готовые модели и решения возникающих новых проблем, а разрабатывать новые модели с учетом новых реалий.*

Дело в том, что экономическая система является живым организмом, который все время изменяется непредсказуемым образом. В этом смысле экономика не обладает свойством *эргодичности* (Норт, 2010), т.е. знание о ее прошлом не дает знания о ее будущем, равно как знание о какой-то ее части не может быть перенесено на другую часть. Следовательно, каждый раз мы имеем дело фактически с новой системой, относительно которой у нас мало знаний. Еще в 1998 г. Виктор Полтерович совершенно справедливо утверждал: «Экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость ее изменения опережает темп ее изучения» (Полтерович, 1998: 61). А это означает, что для понимания текущей ситуации следует не искать, как нам советует Родрик, нужную модель в «архиве», а разрабатывать новую модель для новой ситуации. По-видимому, именно этим обстоятельством вызван феномен самоотрицания ЭЗ, когда современные экономисты «забывают» великие достижения своих предшественников (Балацкий, 2025). «Возможно, что экономические открытия по самой своей природе должны носить краткосрочный характер» (Полтерович, 1998: 63).

Опора на модели прошлого приводит к шаблонному мышлению, а оно порождает серьезные управленческие ошибки. Например, традиционные экономические модели роста убедили западных экспертов в том, что из-за военного конфликта на Украине экономика России быстро рухнет, что оказалось слишком далеко от реальности. Аналогичный расчет был сделан в отношении Ирана, подвергшегося очередному нападению со стороны США и Израиля в 2026 г. Число подобных ошибок, основанных на старых «модельных шаблонах», продолжает расти.

Разумеется, отказ от универсальности экономического знания несет в себе ментальный травматизм, ибо лишает надежды исследователей на великие открытия, но предъявляет к ним крайне высокие и во многом противоречивые требования: с одной стороны, надо обладать обширной научной эрудицией, чтобы знать содержание глобального «архива» экономического знания, с другой – следует обладать навыками быстрой разработки новых аналитических конструкций под новые вызовы современности. Однако, по всей видимости, иного пути нет.

В решении проблемы быстрого построения моделей в ответ на вызовы современности может помочь широкое внедрение искусственного интеллекта (ИИ). Разумеется, само использование ИИ предполагает почти полное инструментальное переформатирование современного экономического знания, однако это отдельная тема для обсуждения.

Принцип № 5: единство политической суверенности и экономической эффективности

В настоящее время мир переживает своеобразную войну за суверенитет. Это явление вызвано обострением борьбы стран за природные ресурсы. И это обстоятельство высветило неадекватность и ограниченность прежней концепции экономического развития, которая утверждала благотворность демократических («инклюзивных») институтов и приоритет технологических достижений. Неожиданно выяснилось, что традиционно богатые и преуспевающие страны отнюдь не так успешны. Главным рефреном борьбы за политический суверенитет оказался простой тезис: эффективной внутренней политикой развития страны может быть только в случае ее суверенности, т.е. независимости от управленческих решений извне. Навязывание гегемоном якобы прогрессивной экономической политики для многих стран привело к их зависимости, от которой почти невозможно освободиться. И этот аспект порождает совершенно новый императив в ЭЗ, связанный с включением в модель развития государства фактора его суверенности. Сегодня это правило успеха государства выглядит примерно следующим образом: общий итог (синергетический эффект) развития страны складывается из внутренней (социальный эффект) и внешней (политический эффект) ситуаций (Балацкий, 2025b). В связи с этим пятый принцип выглядит примерно так: *общая оценка достижений страны должна включать фактор политического суверенитета*.

Хотя приведенная формула является тривиальной и самоочевидной, в обычных экономических концепциях используется ее усеченная форма с отсутствующим вторым слагаемым, что дает возможность для формирования ложных ментальных и идеологических установок. Классическим примером тому служит сравнение Южной и Северной Кореи. Если эффект суверенитета государства отбросить, то показатель душевого ВВП, выступающий вполне адекватным измерителем уровня благосостояния населения страны, для Южной Кореи гораздо выше, чем для Северной Кореи. Для усиления вывода о преимуществах демократической Южной Кореи по сравнению с тоталитарной

Северной Кореей используется даже своеобразный *академический троллинг* – публикуется снимок ночной карты Корейского полуострова, полученный из космоса; на фотографии контрастно запечатлены залитая светом южная часть и погруженная во мрак северная (Аджемоглу, Робинсон, 2015: 101). Однако стоит перейти к рассмотрению расширенной формулы успеха страны, как ситуация становится радикально иной. Да, Южная Корея имеет более высокий уровень жизни и потребления населения, чем Северная Корея, но она является марионеточным режимом США, которые разместили на ее территории свои военные базы, используют страну как разменную монету в своих стратегических интересах против Северной Кореи и не позволили ей иметь собственную ядерную программу. На другом полюсе находится Северная Корея, которая разработала свои собственные ядерные технологии, создала впечатляющий военно-промышленный комплекс, вошла в состав стран Ядерного клуба, отстояла свой политический суверенитет и строит свой мир, который считает правильным.

В более общем контексте страны с нерыночной экономикой и недемократическими правилами объявляются США элементами «оси зла», ресурсы которых желательно экспроприировать. Типичным примером сказанного служат две уникальные страны, у которых с течением времени запасы углеводородов не падают, как у других государств, а возрастают – Иран и Венесуэла (Балацкий и др., 2016). По странному стечению обстоятельств в январе 2026 г. президент Венесуэлы Николас Мадуро был похищен спецслужбами США и предстанет перед американским судом по обвинению в наркотерроризме, его персону заменена на марионеточную фигуру Дельси Родригес, а в феврале 2026 г. США и Израиль начали бомбардировку Ирана и ликвидировали значительную часть высшего политического руководства страны. Главной причиной жестких действий коалиции США и Израиля против Ирана является ее ядерная программа, способная привести Исламскую Республику Иран в Ядерный клуб и тем самым обеспечить ей политический суверенитет.

Наличие подобных конкурентных процессов породило понятия *суверенного (естественного)* и *управляемого (искусственного)* развития (Балацкий, 2024). Примером управляемого (искусственного) развития служат малые государства Азии – Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур; все они поднялись благодаря поддержке Запада. Несложно видеть, что ни одно из названных государств не является полностью самостоятельным. Примером суверенного (естественного) развития являются Северная Корея и Иран, входящие в «ось зла» и до сих пор находящиеся под экономическими санкциями США. Не менее показателен и пример России, долгое время находившейся в фарватере политики США и мгновенно пополнившей «ось зла» после действий по восстановлению политического суверенитета.

Любопытно, что в настоящее время рушится еще один стереотип о плодотворности патронажа со стороны мирового гегемона. Например, ОАЭ долгое время выстраивали свое во многом искусственное и хрупкое государство и добились в этом деле немалых успехов, однако за счет наличия на своей территории американских военных баз оказались в эпицентре войны с Ираном и рискуют в одночасье утратить свои позиции в мировой экономике. Аналогичным образом Украина и ЕС были втянуты Соединенными Штатами в конфликт с Россией, а теперь они вынуждены нести бремя этой кампании с минимальной помощью от гегемона. Тем самым фактор суверенности становится все более значимым в период переформатирования геополитического пространства, а внутренняя политика страны чрезвычайно тесно переплетается с внешней.

Пожалуй, самым ярким проявлением нынешней неэффективности и несостоятельности США, вопреки всем традиционным экономическим критериям, служат их претензии на Гренландию, Канаду и Кубу в громких заявлениях президента Дональда Трампа. Стремление к подобной территориальной экспансии недвусмысленно говорит об отсутствии у Америки экономической самодостаточности и высокой экономической эффективности. А это лишний аргумент в пользу недостаточности самой концепции макроэкономической эффективности, технологической развитости и демократичности государства.

Таким образом, традиционное понятие эффективности страны, которое включало в основном такие параметры, как уровень жизни и технологического развития, теперь должно дополняться оценкой ее геополитического положения в части суверенитета. Как было показано выше, этот подход переворачивает многие ставшие традиционными представления.

Принцип № 6: преодоление разрыва между экономической теорией и практикой управления

Экономика давно превратилась в науку о моделях, что свидетельствует о методическом прогрессе. Однако в последнее время множатся работы с моделями, которые не имеют никакого отношения к реальности. Причем исследователей это обстоятельство совершенно не обескураживает, ибо многие из них считают достаточным само искусство построения нетривиальных моделей и рассмотрения различных гипотез и сценариев. Такое положение дел получило название *парадокса Баумана* (Балацкий, 2025а): «Мы нашли решение. Давайте теперь найдем проблему» (Бауман, 2008: 69). В результате такого развития событий возникает ситуация, когда разрабатываемые модели не дают никаких дополнительных знаний о реальном мире и тем более о том, какие управленческие решения необходимо принимать регулятору. Многие разрабатываемые сегодня модели не имеют своего прототипа в экономике. Для преодоления этой негативной тенденции необходимо вернуться к исходному принципу о первичности реальных процессов и вторичности модели, которая лишь упрощенно отражает реальный мир. Тогда шестой принцип можно сформулировать так: *любая современная модель должна описывать реальный и вполне конкретный экономический процесс и отталкиваться от постановки задачи, направленной на выработку более эффективных управленческих решений*.

Примечательно, что избыточной абстрактностью грешат не только теоретические модели, но и эмпирические исследования. В результате возникает порочный круг, когда исследования множатся, противоречат друг другу, но не способствуют решению реальных проблем.

Пожалуй, наиболее ярким примером движения по указанному порочному кругу служит идея нейтральности денег. Парадоксальность данной тематики выглядит следующим образом. С одной стороны, уже полностью реконструирована история Великой депрессии, само возникновение которой недвусмысленно говорит о провале монетарных властей из-за ненейтральности денег¹. Более того, за доказательство и раскрытие механизма данного факта вручены Нобелевские премии по экономике, по крайней мере Милтону Фридману в 1976 г. и Бену Бернанке в 2022 г., и тем самым имеет место консенсус о ненейтральности монетарной политики в части управления денежной массой. В дополнение к этому сам Бернанке на посту главы Федеральной резервной системы США в своей борьбе с кризисом 2008 г. «заливал экономику деньгами, проводя невиданные эксперименты с количественным смягчением путем сохранения ультранизких процентных ставок и выкупа долговых ценных бумаг с рынка»², тем самым реализовав на практике принцип ненейтральности денег. С другой стороны, до сих пор представители двух научных лагерей продолжают ломать копыта по этому поводу. Одни доказывают и предлагают модели ненейтральности денег (Маевский и др., 2020; Рубинштейн, 2022), другие предоставляют эмпирические доказательства обратного (Картаев, Герелишина, 2025).

Проведение в жизнь предложенного принципа позволит осуществить гигантскую экономию исследовательских ресурсов, которые сегодня тратятся на умозрительные проблемы и теоретические упражнения, а также сократить дистанцию между теорией и практикой управления.

Принцип № 7: событийно-факторный синтез

Сегодня имеет место довольно странная ситуация, когда экономические теории объясняют различные траектории развития стран на протяжении, как правило, десятилетий, но не могут совладать с многовековыми сдвигами. Теоретическая полнота для среднесрочных периодов достигается путем «навешивания» дополнительных факторов экономического развития. Например, факторы земли, капитала и трудовых ресурсов детализируются на человеческий и физический капитал, рабочая сила получает характеристики образования и квалификации, оборудование распределяется на различные технологические поколения неодинаковой эффективности, включаются показатели климата и т.п. Долгое время небезосновательно считалось, что увеличение объясняющих сущностей явлений позволит глубже понять сами явления. Однако, как оказывается, такой подход не позволяет интегрировать разнообразие исторические развилки и их значение.

На другом полюсе стоит историческая традиция, которая предполагает «наслаивание» важных исторических событий для получения объемной картины. Однако при таком подходе не строится теория

¹ См.: Remarks by governor Ben S. Bernanke: Money, gold, and the Great Depression. <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2004/200403022/default.htm> (дата обращения: 16.03.2025).

² Моисеев С. (2022). Бен Бернанке: нужный человек в нужное время. Econs, 14 октября. <https://econs.online/articles/opinions/ben-bernanke-nuzhnyy-chelovek-v-nuzhnoe-vremya/> (дата обращения: 16.03.2025).

исторических изменений, которая бы объясняла их с неких единых методологических позиций, раскрывала бы их движущие силы. В связи с этим преодоление указанной автономии событийного и факторного подходов предполагает их синтез. Тогда седьмой принцип можно сформулировать так: *современные теории развития должны соединять влияние экономических факторов и исторических событий*.

Сегодня событийно-факторный синтез стихийно применяется во многих исследованиях. Например, в концепции инклюзивных институтов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона (2015) предложена довольно изящная схема институциональной эволюции, структурированная в одной из моих работ (Балацкий, 2017). Так, на первом этапе происходит накопление мелких институциональных достижений на основе политического плюрализма. Это *детерминированный* процесс, который обусловлен культурными, историческими, географическими и психологическими особенностями этноса (множеством факторов). В силу малых, но постоянных изменений данный процесс можно рассматривать как *непрерывный*. За длительный период такие мелкие изменения *накапливаются*, и институциональные различия между странами становятся существенными. Однако сами по себе эти *кумулятивные изменения*, как правило, не имеют определенного вектора эволюции и не способны радикально изменить ситуацию, превратив экстрактивные институты в инклюзивные. Для этого требуется вторая фаза – *случайный* внешний шок (событие). В качестве такового выступает мощное событие, которое имеет все признаки «черного лебедя» по Н. Талебу, т.е. оно: 1) принципиально непредсказуемо, 2) порождает масштабные последствия и 3) легко объяснимо после своего появления (Талеб, 2009). Внешний шок порождает точку перелома, когда *дискретно* возникающий вызов накладывается на результат многолетнего институционального дрейфа. В результате может возникать институциональный *сдвиг*, т.е. принципиальное преобразование политической системы в сторону инклюзивности. Если такой сдвиг происходит, то возникают элементы инклюзивных политических институтов; в противном случае экстрактивные политические институты остаются без изменения.

Имеются хрестоматийные примеры описанной схемы. Например, к 1346 г., к моменту прихода бубонной чумы, в Западной Европе в результате институционального дрейфа крестьяне обладали большей независимостью и большей переговорной силой, чем их собратья на востоке. На такие совершенно разные начальные условия наложился внешний шок – приход «черной смерти», что и привело к ликвидации феодализма в Западной Европе, тогда как в Восточной Европе аналогичный процесс привел лишь ко «второму изданию» крепостничества. Аналогичным образом к 1600 г. из-за постоянной борьбы английских баронов с абсолютизмом власть короля в Англии была гораздо слабее, чем во Франции и Испании, в результате чего внешний шок в виде открытия колоний привел к становлению в Англии *конкурентной* системы трансатлантической торговли, в то время как во Франции и Испании установилась *монополия* монархии на внешнюю торговлю. Таким образом, «черный лебедь» в форме бубонной чумы в Англии привел к важному институциональному сдвигу – отмене крепостничества, а «черный лебедь» в форме торговли с колониями – к другому сдвигу в виде конкурентной внешней торговли. Разный институциональный выбор, сделанный разными странами в переломной точке, привел к расхождению их институциональных траекторий в последующие века, что сопровождалось разными темпами экономического роста и разным уровнем общественного благосостояния.

Схематично процесс событийно-факторного анализа может быть представлен рисунком ниже. Например, общая факторная зависимость 1 уровня производства может иметь нисходящий тренд, однако в определенный момент некое ключевое историческое событие способно привести к перестройке исходной факторной зависимости, после чего надолго установится повышательный тренд в зависимости 2. Иными словами, событие приводит к перестройке производственной функции, что ведет к перескоку социальной системы на новую траекторию развития (сплошной линией на рисунке показана сложная историческая траектория национального производства страны).

Любопытно, что в экономической теории традиционно рассматривались скачки с одной кривой на другую в результате изменения начальных условий, однако семейство кривых всегда представлялось похожими функциями, лежащими параллельно в системе координат. В схеме на рисунке этот подход усиливается в том смысле, что разные функциональные кривые могут быть разнонаправленными.

Наверное, наиболее ярким примером событийно-факторного синтеза может служить теория пассионарности, которая предполагает перестройку социальной системы (факторной зависимости) в результате возникновения внешнего экзистенциального вызова (события) (Balatsky, 2022). Массовые примеры этой схемы дают войны – как внешние, так и внутренние.

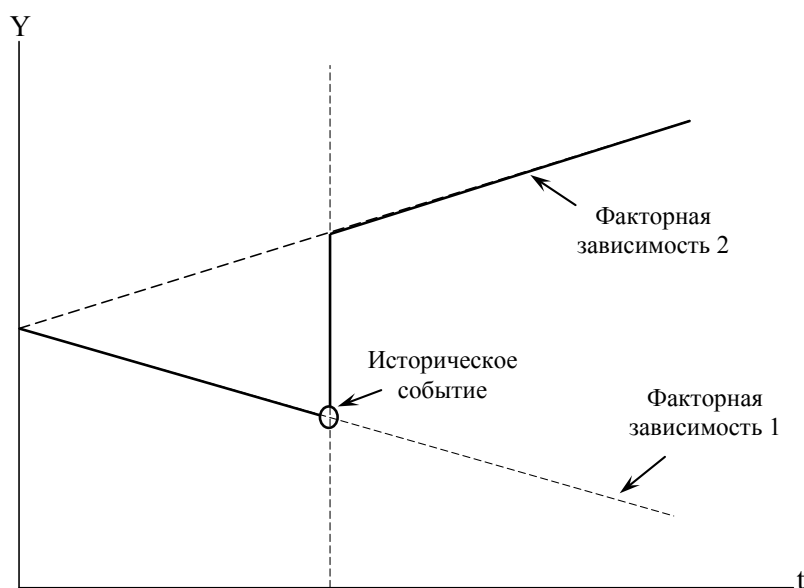

Рис. Иллюстрация событийно-факторного анализа

Источник: построено автором.

Заключение: на пути к инвентаризации экономического знания

Выше было рассмотрено семь догм современного экономического знания. Первые три из них – односторонняя оценка явлений, бинарная система институтов и решений, игнорирование фактора политического суверенитета государства – носят онтологический характер и связаны с неправильными представлениями исследователей о социальном мире. Другие четыре догмы – сохранение линейной логики относительно нелинейных явлений, претензии на универсальность экономических моделей, сложность экономических построений в отрыве от реальных процессов, автономия событий и факторов при построении экономических теорий – относятся к разряду методологических и предполагают ошибочные инструментальные императивы в исследованиях и принятии управленческих решений.

Для переформатирования современного экономического знания предлагается воспользоваться принципами, которые направлены на категорический отказ от рассмотренных догм: единство диалектических сущностей и устранение оценочной однозначности; переход от чистых стратегий к смешанным; единство политической суверенности и экономической эффективности; переход к параболической форме экономических зависимостей; отказ от универсальности экономических результатов и поиск контекстов; преодоление разрыва между экономической теорией и практикой управления; событийно-факторный синтез. Разумеется, предложенный набор рассмотренных догматических норм и их альтернатив не является исчерпывающим. Вместе с тем в качестве старта по реформированию современного экономического знания этот набор вполне достаточен и позволит, по крайней мере, улучшить ситуацию.

Все тезисы статьи несут в себе изрядный потенциал дискуссионности, однако без подобных обсуждений и масштабной методологической инвентаризации уже не обойтись – необходимость преодоления методологического тупика в современной экономической науке очевидна, а предпосылки для этого уже сложились и укрепляются чуть ли не ежедневно. Остается воплотить в жизнь открывающиеся новые возможности.

Литература / References

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ. [Acemoglu, D., Robinson, J. (2015). *Why Some Countries are Rich and Others are Poor. The Origin of Power, Prosperity and Poverty*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор*. М.: АСТ. [Acemoglu, D., Robinson, J. (2021). *The Narrow Corridor*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].

- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). *Власть и прогресс*. М.: АСТ. [Acemoglu, D., Johnson, S. (2024). *Power and Progress*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2012). Взаимосвязь экономики и управления: преодоление когнитивного разрыва. *Общество и экономика* (12), 131–153. [Balatsky, E. (2012). The relationship between economics and management: overcoming the cognitive gap. *Society and Economy* (12), 131–153 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2017). Концепция инклюзивных институтов и ее приложения. *Общественные науки и современность* (2), 143–156. [Balatsky, E. (2017). The concept of inclusive institutions and its applications. *Social Sciences and Modernity* (2), 143–156 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2022). Новые императивы экономического знания: на пути к социоэкономике. *Социальное пространство* 8(4), 1–19. [Balatsky, E. (2022). New imperatives of economic knowledge: Towards socioeconomics. *Social Area* 8(4), 1–19 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2023). Эрозия институтов и экономический рост. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* 16(3), 81–101. [Balatsky, E. (2023). Erosion of institutions and economic growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* 16(3), 81–101 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2024). Этапы глобализации в истории цивилизаций. *Мир России* 33(3), 170–188. [Balatsky, E. (2024). Stages of globalization in the history of civilizations. *The Universe of Russia* 33(3), 170–188 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2025a). В преддверии новой парадигмы экономической науки. *AlterEconomics* 22(1), 6–21. [Balatsky, E. (2025a). On the eve of a new paradigm of economic science. *AlterEconomics* 22(1), 6–21 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2025b). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* 18(1), 46–65. [Balatsky, E. (2025b). The evolution of colonial and neocolonial models of geopolitical dominance. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* 18(1), 46–65 (in Russian)].
- Балацкий Е.В., Гусев А.Б., Юревич М.А. (2016). *Макрооценка ресурсной зависимости российской экономики*. М.: Перо. [Balatsky, E., Gusev, A., Yurevich, M. (2016). *Macro-Assessment of the Resource Dependence of the Russian Economy*. Moscow: Publishing House Pero (in Russian)].
- Бауман З. (2008). *Текущая современность*. СПб.: Питер. [Bauman, Z. (2008). *Fluid Modernity*. St. Petersburg: Peter Publ. (in Russian)].
- Веселов Д.А. (2025). От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий. *AlterEconomics* 22(1), 83–102. [Veselov, D. (2025). From the theory of growth to the theory of development: Beyond stationary trajectories. *AlterEconomics* 22(1), 83–102 (in Russian)].
- Вольчик В.В. (2025a). Идеология, цифровая экономика и промпт-знание. *AlterEconomics* 22(1), 66–82. [Volchik, V. (2025a). Ideology, digital economy and industrial knowledge. *AlterEconomics* 22(1), 66–82 (in Russian)].
- Вольчик В.В. (2025b). Дрейф идеологий в российской экономической науке. *Журнал институциональных исследований* 17(2), 133–145. [Volchik, V. (2025b). The drift of ideologies in Russian Economics. *Journal of Institutional Studies* 17(2), 133–145 (in Russian)].
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2025). Идеология в экономической науке через призму академического дискурса. *Terra Economicus* 23(3), 21–33. [Volchik, V., Maslyukova, E. (2025). Ideology in economics through the prism of academic discourse. *Terra Economicus* 23(3), 21–33 (in Russian)].
- Гегель Г. (2023). *Наука логики*. М.: АСТ. [Hegel, G. (2023). *Science of Logic*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Гусев А.Б. (2025). Институт «теневой казны»: новый фактор в понимании государственных финансов и действий политической элиты. *Вопросы регулирования экономики* 16(1), 19–35. [Gusev, A. (2025). The institute of the “shadow treasury”: A new factor in understanding public finances and the actions of the political elite. *Journal of Economic Regulation* 16(1), 19–35 (in Russian)].
- Дзоло Д. (2010). *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. [Zolo, D. (2010). *Democracy and Complexity: A Realistic Approach*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].

- Картаев Ф.С., Герелишина А.К. (2025). Долгосрочная нейтральность денег: наблюдается ли она в России? *Экономическая политика* **20**(1), 6–29. [Kartaev, F., Gerelishina, A. (2025). Long-term money neutrality: Is it observed in Russia? *Economic Policy* **20**(1), 6–29 (in Russian)].
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021). Системная парадигма и перспективы «институционального синтеза» в экономике. *Экономическая наука современной России* (3), 17–32. [Kirdina-Chandler, S. (2021). The systemic paradigm and prospects of “institutional synthesis” in economics. *Economics of Modern Russia* (3), 17–32 (in Russian)].
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2023). О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов. *AlterEconomics* **20**(1), 59–78. [Kirdina-Chandler, S. (2023). On synthesis and interdisciplinarity in economic theory: A comparison of Russian-language and English-language discourses. *AlterEconomics* **20**(1), 59–78 (in Russian)].
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2025). Экономисты русского авангарда. *AlterEconomics* **22**(1), 141–160. [Kirdina-Chandler, S. (2025). Economists of the Russian avant-garde. *AlterEconomics* **22**(1), 141–160 (in Russian)].
- Клейнер Г.Б. (2023). Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях. *Управленческие науки* **13**(1), 6–19. [Kleiner, G. (2023). System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Management Sciences* **13**(1), 6–19 (in Russian)]. EDN: DKKPBT
- Клейнер Г.Б. (2024). Системная экономика, справедливое общество, эффективная конкуренция: императивы завтрашнего дня. *Современная конкуренция* **18**(4), 6–20. [Kleiner, G. (2024). Systems economy, justice society, effective competition: The imperatives of the next day. *Journal of Modern Competition* **18**(4), 6–20 (in Russian)]. EDN: CAQLKU
- Криничанский К.В. (2025). Политическая экономия финансового развития. *AlterEconomics* **22**(1), 103–120. [Krinichansky, K. (2025). The political economy of financial development. *AlterEconomics* **22**(1), 103–120 (in Russian)].
- Ли Д.Д. (2025). Китайский взгляд на мир. Развенчание мифов о Китае для предотвращения глобального конфликта. Ереван: Fortis Press. [Lee, D. (2025). *The Chinese View of the World. Debunking Myths about China to Prevent Global Conflict*. Yerevan: Fortis Press. (in Russian)].
- Маевский В.И. и др. (2020). Теория воспроизводства капитала и не-нейтральность денег. М.; СПб.: Нестор-История. [Maevsky, V. and others (2020). *The Theory of Capital Reproduction and the Non-Neutrality of Money*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (in Russian)].
- Нифаева О.В. (2022). Противоречивые последствия этической нейтральности и формализации экономической теории. *AlterEconomics* **19**(4), 563–583. [Nifaeva, O. (2022). Contradictory consequences of ethical neutrality and the formalization of economic theory. *AlterEconomics* **19**(4), 563–583 (in Russian)].
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. [North, D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром. *AlterEconomics* **22**(1), 40–53. [Orekhovsky, P., Razumov, V. (2025). The economic theory of the “blackboard”: Between reality and simulacrum. *AlterEconomics* **22**(1), 40–53 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории. *Экономическая наука современной России* (1), 46–66. [Polterovich, V. (1998). The crisis of economic theory. *Economics of Modern Russia* (1), 46–66 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа. *Общественные науки и современность* (2), 101–111. [Polterovich, V. (2011). The formation of general social analysis. *Social Sciences and Modernity* (2), 101–111 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции. *Вопросы экономики* (11), 5–23. [Polterovich, V. (2016). Positive cooperation: Factors and mechanisms of evolution. *Voprosy Ekonomiki* (11), 5–23 (in Russian)].

- Полтерович В.М. (2017а). Теория эндогенного экономического роста и уравнения математической физики. *Журнал Новой экономической ассоциации* **35**(2), 193–201. [Polterovich, V. (2017a). Theory of endogenous economic growth and equations of mathematical physics. *Journal of the New Economic Association* **35**(2), 193–201 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2017b). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs. идеология. *Журнал Новой экономической ассоциации* **35**(3), 198–206. [Polterovich, V. (2017b). Development of strategies for socio-economic development: Science vs. ideology. *Journal of the New Economic Association* **35**(3), 198–206 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2022а). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **15**(2), 31–43. [Polterovich, V. (2022a). Competition, cooperation and life satisfaction. Part 1. The seven European leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **15**(2), 31–43 (in Russian)]. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.2
- Полтерович В.М. (2022b). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **15**(3), 42–57. [Polterovich, V. (2022b). Competition, cooperation and life satisfaction. Part 2. The basis of leadership – collaborative advantages. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **15**(3), 42–57 (in Russian)]. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2
- Полтерович В.М. (2022с). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов. *Вопросы теоретической экономики* (1), 48–57. [Polterovich, V. (2022c). On the way to a general theory of socio-economic development: Towards the synthesis of two canons. *Issues of Economic Theory* (1), 48–57 (in Russian)].
- Попов В.В. (2026). Почему рухнул советский социализм. *Мир России* **35**(1), 184–200. [Popov, V. (2026). Why Soviet socialism collapsed. *The Universe of Russia* **35**(1), 184–200 (in Russian)].
- Родрик Д. (2017). *Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки»*. М.: Изд-во Института Гайдара. [Rodrik, D. (2017). *Economics Decides: The Strength and Weakness of “Gloomy Science”*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House (in Russian)].
- Рубинштейн А.А. (2022). Не-нейтральность денег в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства. *Вестник Института экономики Российской академии наук* (5), 7–22. [Rubinstein, A. (2022). The neutrality of money in the context of the synthesis of institutional theory and the theory of reproduction. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* (5), 7–22 (in Russian)].
- Сапир Ж. (2003). Империализм экономической науки: Размышления о современном состоянии экономической мысли и ее взаимоотношениях с общественными науками. *Неприкосновенный запас* (2), 36–42. [Sapir, J. (2003). Imperialism of economic science: Reflections on the current state of economic thought and its relationship with the social sciences. *Inviolable Reserve* (2), 36–42 (in Russian)].
- Строус Д. (2002). *Морган*. М.: АСТ. [Strauss, D. (2002). *Morgan*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].
- Сухих В.В. (2025). Цифровая революция, кризис экономической теории и возвращение утопий. *AlterEconomics* **22**(1), 54–65. [Sukhikh, V. (2025). The digital revolution, the crisis of economic theory and the return of utopias. *AlterEconomics* **22**(1), 54–65 (in Russian)].
- Тaleb Н.Н. (2009). *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. М.: КоЛибри. [Taleb, N. (2009). *The Black Swan. Under the Sign of Unpredictability*. Moscow: KoLibri Publ. (in Russian)].
- Тойнби А.Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель. [Toynbee, A. (2011). *Civilization before the Court of History. The World and the West*. Moscow: AST: Astrel Publ. (in Russian)].
- Толкачев С.А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии. *Terra Economicus* **22**(3), 6–20. [Tolkachev, S. (2024). Cyclical patterns of transformation of economic orthodoxy. *Terra Economicus* **22**(3), 6–20 (in Russian)].
- Толкачев С.А. (2025). Судьба экономической теории на этапе глобального мирохозяйственного

- кризиса. *AlterEconomics* **22**(1), 22–39. [Tolkachev, S. (2025). The fate of economic theory at the stage of the global economic crisis. *AlterEconomics* **22**(1), 22–39 (in Russian)].
- Толкачев С.А. (2026). Концептуальные маневры постнеолиберальной экономической политики, или Почему «профессора» больше не нужны «антрепренерам». *Terra Economicus* **24**(1), 6–21. [Tolkachev, S. (2026). Conceptual maneuvers of post-neoliberal economic policy, or Why “professors” are no longer needed by “entrepreneurs”. *Terra Economicus* **24**(1), 6–21 (in Russian)].
- Толкачев С.А., Смирнов А.А., Судакова А.О. (2025). Парадигмальные контуры новой экономической теории. *Креативная экономика* **19**(9), 2147–2168. [Tolkachev, S., Smirnov, A., Sudakova, A. (2025). Paradigmatic contours of the new economic theory. *Creative Economy* **19**(9), 2147–2168 (in Russian)].
- Фукуяма Ф. (2007). *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ: Хранитель. [Fukuyama, F. (2007). *The End of History and the Last Man*. Moscow: AST: Guardian Publ. (in Russian)].
- Черноу Р. (1999). *Титан. Жизнь сэра Джона Д. Рокфеллера*. М.: Крон-Пресс. [Chernou, R. (1999). *The Titan. The Life of Sir John D. Rockefeller*. Moscow: Crown Press (in Russian)].
- Balatskii, E. (2004). The influence of fiscal instruments on economic growth: An evaluation. *Studies on Russian Economic Development* **15**(4), 412–419.
- Balatsky, E. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **15**(6), 52–78.
- Kornai, J. (1998). *The system paradigm*. Working Paper № 278. William Davidson Institute. University of Michigan. 26 p.
- Lu, A. (2025). *Sulian Bengkui de Yuanyin he Jiaoxun*. Beijing: Sanlian Shudian. [Lu, Aiguo (2025). *The Soviet Union. The Reasons for the Breakup and the Lessons*. Beijing: Sanlian shu dian (in Chinese)].
- Nash, J. (1950). Equilibrium points in n-person games. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* **36**(1), 48–49.
- Volchik, V., Fursa, E. (2026). The ideological discourse of Russian economists contextualised in economic development and growth issues. *Journal of New Economy* **27**(1), 28–47.
- Volchik, V., Fursa, E., Maslyukova, E. (2025). Economic reforms, modernization and the “special path” ideology in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **18**(5), 61–78.